

Е Цзяньюй присел на корточки перед тазом, внимательно разглядывая его содержимое. Соевое молоко, которое он сейчас видел, явно отличалось от того, что он пил раньше. В прошлом оно было похоже на коровье молоко, но сейчас в тазу оно выглядело гораздо гуще.

Опыт с варкой соли дал ему уверенность в том, что если что-то не получается с первого раза, то со второго точно выйдет.

— Может, стоит перемолоть ещё раз? Возможно, оно слишком грубое, — предложил он, поднимая таз и выливая уже перемолотое соевое молоко обратно в жернова, чтобы Ли Цзиньчэнь смолот его ещё раз.

На этот раз оно получилось более однородным, но всё же не идеальным.

Ли Цзиньчэнь, нахмурившись, смотрел на содержимое таза, скрывая своё недовольство, и лишь произнёс:

— Я пока не голоден, попробую лишь немного.

— Скоро уже полдень, хоть это и считается завтраком, но оно очень вкусное! — Е Цзяньюй, дождавшись, пока Ли Цзиньчэнь закончит молоть во второй раз, всё ещё не был удовлетворён степенью однородности. Раздумывая, стоит ли повторить процесс ещё раз, он заметил на столе марлю.

— Почему я всегда забываю о фильтрации? — Он взял марлю, накрыл ею котёл и процедил соевое молоко, оставив осадок в марле, а в котле осталось чистое белое молоко.

— Мне нужно его ещё немного подогреть, Ваше Величество, подождите немного, я разожгу огонь. — Е Цзяньюй положил дрова в печь и с лёгкостью разжёг огонь.

Ли Цзиньчэнь стоял рядом, наблюдая за ним с неоднозначным выражением лица.

Что превратило его маленькую императрицу в мастера по разжиганию огня?

Когда соевое молоко нагрелось, аромат начал распространяться по комнате.

Ли Цзиньчэнь, увидев этот белый, похожий на молоко напиток, предположил, что и вкус будет схожим, возможно, это будет замена коровьему молоку.

Он пробовал коровье молоко и десерты из него, но ему не нравились их вкус, а после их употребления у него начиналось расстройство желудка, поэтому он больше к ним не прикасался.

Однако сегодня, если он не выпьет, он подозревал, что Е Цзяньюй заплачет.

Е Цзяньюй, словно предлагая сокровище, налил чашку и протянул её Ли Цзиньчэню.

— Обычно я добавляю сахар, но вы не любите сладкое. Хотите попробовать его без добавок или, может, добавить немного соли?

— Добавь соли, — ответил Ли Цзиньчэнь.

Ранее он пробовал солёную кашу, приготовленную Е Цзяньюем, и с тех пор не мог забыть её вкус. Он считал, что даже если этот напиток окажется неприятным, добавление соли сделает его вкусным.

Е Цзяньюй поспешно отправился за солью, но не осмелился добавить слишком много, боясь, что Ли Цзиньчэню будет слишком солёно. Он добавил лишь немного.

— Я никогда не пробовал соевое молоко с солью, не знаю, будет ли оно вкусным. Попробуйте.

Ли Цзиньчэнь, видя, как Е Цзяньюй смотрит на него с ожиданием, не хотел его разочаровывать. Он опустил голову и попробовал напиток. Аромат сои наполнил его рот, насыщенный и густой, с лёгким привкусом морской соли. Он планировал лишь попробовать, но в итоге выпил всю чашку.

— Ну как? Вкусно? — Е Цзяньюй, видя, что Ли Цзиньчэнь опустошил чашку, всё же задал вопрос, желая услышать от него слова одобрения.

— В вопросах еды ты всегда удивляешь меня, — сказал Ли Цзиньчэнь, протягивая чашку обратно, чтобы Е Цзяньюй налил ещё.

Услышав это, Е Цзяньюй почувствовал, что голос Ли Цзиньчэня звучал особенно тепло. Вспомнив, как тот закатывал рукава, чтобы молотить соевые бобы, обнажая сильные руки с чёткими линиями, он не мог не отметить, насколько это было привлекательно.

Е Цзяньюй налил ещё одну чашку для Ли Цзиньчэня и себе, добавив в свою порцию много сахара. Он пил сладкое соевое молоко, украдкой поглядывая на Ли Цзиньчэня.

На самом деле, Ли Цзиньчэнь был замечательным мужчиной. Он всегда был нежен с ним, проявлял терпение и вставал на его защиту, когда того обижали. Это уже делало его идеальным партнёром, но Ли Цзиньчэнь был ещё больше.

Его внешность была выдающейся. Если бы он жил в будущем, он бы стал звездой, привлекающей миллионы поклонников с первого взгляда. Его лицо и тело были идеальными, а ещё он был императором...

— О чём ты думаешь? — Ли Цзиньчэнь заметил, что Е Цзяньюй задумался, глядя на него, и решил, что тот снова погрузился в свои переживания, желая помочь ему.

— Я уже говорил вам, что хочу покинуть дворец, но сейчас это кажется почти невозможным...
— Вдовствующая императрица казалась слишком властной, и Е Цзяньюй чувствовал, что ему никогда не удастся уйти.

Если он не сможет уйти, это значит, что он навсегда останется императрицей, либо потеряет своё положение из-за дворцовых интриг, будет понижен в статусе и окажется в холодном дворце, или его заставят покончить с собой...

Лучше оставить Ли Цзиньчэню приятные воспоминания, пока тот ещё к нему расположен. Даже если в будущем его обойдут интриги, и Ли Цзиньчэнь потеряет к нему интерес, он, возможно, вспомнит эти моменты и пощадит его.

— Ты всё ещё переживаешь из-за невозможности покинуть дворец? — спросил Ли Цзиньчэнь.

— Фэн Цяньэр не ваш тип, но вскоре в дворец войдут другие, и, возможно, среди них окажется та, что вам понравится. Я уже говорил вам, что после того, как вы прикоснётесь ко мне, вы не должны прикасаться к другим, но я не могу диктовать вам ваши решения. Поэтому я думаю, стоит ли мне смириться, — с грустью сказал Е Цзяньюй.

На самом деле, он всегда мирился с судьбой. Это было для него привычным делом, почти инстинктом, но именно это и вызывало в нём наибольшее недовольство.

Ли Цзиньчэнь слегка ударил своей чашкой по чашке Е Цзяньюя, издав звонкий звук, как будто они чокались.

— Помни, ты моя императрица, самый уважаемый человек в мире. Никогда не позволяй себе мириться с судьбой, — сказал Ли Цзиньчэнь.

— А что мне ещё делать? Вы же не соглашаетесь на мои просьбы, — с обидой спросил Е Цзяньюй.

— Может, стоит попробовать избавиться от тех, кто вызывает у тебя беспокойство, — предложил Ли Цзиньчэнь.

Е Цзяньюй замер, испуганно икнув.

— Ваше Величество, вы хотите научить меня дворцовым интригам?

Император впервые попробовал соевое молоко и выпил две чашки, хотя чашки во дворце были небольшими, и две порции оказались не такими уж большими.

Но когда Ли Цзиньчэнь захотел выпить третью чашку, Е Цзяньюй поспешно остановил его.

Ли Цзиньчэнь поднял бровь.

— Что, моя императрица снова хочет меня остановить?

Е Цзяньюй вспомнил, как в прошлый раз, когда он дал Ли Цзиньчэню солёную кашу, он в шутку сказал, что одну и ту же вещь нельзя есть три раза. Неожиданно, Ли Цзиньчэнь это запомнил.

— Я не хочу вас останавливать, просто у меня ещё есть планы на это соевое молоко, — сказал Е Цзяньюй, начав искать заранее приготовленные им чашки с «рассолом». Он пронумеровал их, чтобы попробовать каждую по очереди.

— Ты заставил меня потрудиться, а теперь позволяешь выпить только две чашки? — Ли Цзиньчэнь сел рядом, наблюдая за ним. Он хотел посмотреть, что ещё Е Цзяньюй сможет придумать.

— Я хочу приготовить что-то ещё вкусное, Ваше Величество. Обычно жёны доверяют своим мужьям безоговорочно, а вы всегда сомневаетесь в своей императрице. Вы что, всегда меня недооценивали? — Е Цзяньюй взял одну из чашек и начал медленно выливать её содержимое. Его руки слегка дрожали, ведь если он потерпит неудачу, это будет означать, что усилия Ли Цзиньчэня были напрасны.

Ли Цзиньчэнь заметил, что каждый раз, когда он становился строгим, Е Цзяньюй начинал дрожать от страха, но когда его тон и выражение лица были мягкими, тот становился смелее и начинал много говорить.

— Я никогда тебя не недооценивал, просто думал, что ты ударился головой и всё перепутал, — сказал Ли Цзиньчэнь.

— Ваше Величество, вы не думаете, что я стал глупым из-за удара? — Е Цзяньюй был немного

обижен, но, не дожидаясь ответа, сам признал:

— Нет, я не стал глупым из-за удара, я просто всегда был глуповатым...

Ли Цзиньчэнь уже давно это заметил, но странным образом, хотя Е Цзяньюй казался глуповатым по сравнению с обычными людьми, в нём была мудрость, которую другие не могли достичь.

Ли Цзиньчэнь пришёл к выводу, что Е Цзяньюй, возможно, не был силен в общении с людьми, но зато умел изобретать новые вещи. Более того, у него был талант к зарабатыванию денег. Идея открыть ресторан и управлять общественным мнением была весьма умной.

Раньше Ли Цзиньчэнь часто думал, что рядом с ним нет человека, с которым он мог бы обсуждать важные дела. Возможно, Е Цзяньюй и был тем самым человеком.

Кстати, все наложницы в будущем будут освобождены, как только император возьмёт власть в свои руки. Он позаботится об их устройстве.

Император, кроме Е Цзяньюя, больше никого не тронет.

<http://bllate.org/book/16199/1453557>